

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

КНИГА ПЕРВАЯ: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Николай Есауленко
Восставший из пепла.. Книга
первая: Перерождение

<https://litres.ru/74005676>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший бизнесмен, потерявший всё, погибает и воскресает в мире культивации с силой пепла Феникса. С самого дна — к бессмертию.

Содержание

Пролог. Пепел и Пустота	4
АКТ 1.	11
Глава 1. Пепел не прощает	11
Глава 2. Старый Шань	22
Глава 3. Искусство быть тенью	35
Глава 4. Отбор	49
Глава 5. Пылающая Ладонь	63
Глава 6. Чужак	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Николай Есауленко

Восставший из пепла.. Книга первая: Перерождение

Пролог. Пепел и Пустота

Часть 1. День, когда мир сгорел

Дождь зарядил с самого утра, барабана по крыше офиса, словно отсчитывая последние спокойные секунды. Алексей помнил этот звук до сих пор. Он отложил договор, потянулся за телефоном, чтобы позвонить жене, и увидел десяток пропущенных от тёщи. Сердце рухнуло в пятки ещё до того, как он перезвонил.

Дорога была мокрой, а пьяный ублюдок на отцовском внедорожнике мчал на красный. Удар пришёлся в бок легкового, где сидела вся его жизнь. Аня, Даня, маленькая Соня. Их больше не было. Три обгоревших тела, завернутых в черные мешки. Запах горелого металла и пластика навсегда вьелся в его память.

Следующие месяцы слились в один серый, бесконечный ад. Похороны, пустые соболезнования коллег, суд, который отпустил убийцу, потому что у его папаши были связи в верхах. Алексей продал бизнес, который строил с нуля, спустил все деньги на лучших, но бесполезных адвокатов. Бутылка стала его единственным другом. Сначала дорогой виски в опустевшем загородном доме, потом дешёвая водка в съёмной конуре, а затем и «девятка» на троих в грязной подворотне.

От него пахло перегаром и мочой. Прежние партнёры переходили на другую сторону улицы, делая вид, что не узнают. Он и сам себя уже не узнавал. Внутри была только выжженная пустошь.

Часть 2. Последний шаг

Зимний ветер пробирал до костей. Алексей, шатаясь, брёл по обледенелой обочине. Последние деньги ушли, а трясучка требовала дозу. Мысли путались. Он просто хотел, чтобы эта боль исчезла. Навсегда.

Слепящий свет фар вынырнул из снежной пелены. Визг тормозов, глухой удар. Его тело подбросило в воздух, словно тряпичную куклу. На короткий миг боль исчезла, сменив-

шись полётом. В этом полёте он успел увидеть их лица. Аню, Даню, Соню. Они улыбались и звали его.

А потом темнота.

Часть 3. Рождение из пепла

Сознание возвращалось толчками. Но вместо холода зимней трассы — обжигающий жар. Он попытался вдохнуть и закашлялся — лёгкие заполнил горький, едкий дым.

Алексей распахнул глаза.

Он лежал в центре пылающего ада. Стены ветхой лачуги, сложенной из досок и соломы, жадно пожирало пламя. Вокруг рушились горящие балки, с треском осыпались искры. В нос бил запах горелой плоти — где-то рядом лежали тела тех, кто не успел проснуться.

Он попытался встать — и замер. Рука, на которую он опёрся, была не его. Слишком худая, подростковая, покрытая язвами и ожогами. Сквозь прожжённую до мяса кожу проступало что-то странное — под ней, словно тлеющие угли, пульсировал мягкий золотистый свет.

Чужая память хлынула в сознание.

Шэн. Его звали Шэн. Прозвище — «Мусор». Безродный сирота, живший в этом ветхом бараке на окраине трущоб Города Тысячи Копий. Сегодня ночью шайка уличных мальчишек ради забавы подожгла лачугу, где спали бродяги. Шэн не успел выбраться. Он сгорел заживо.

Но Алексей... Алексей проснулся в его теле. В теле, которое должно было стать горсткой пепла.

Пламя вокруг взревело, но оно больше не жгло его. Он чувствовал каждую вспышку, каждую искру как продолжение собственной воли. Гнев, боль, отчаяние — всё, что копилось годами, вырвалось наружу.

Он медленно поднялся на ноги.

Одежда на нём истлела. Кожа светилась изнутри, покрывая паутиной огненных линий, словно по венам тек не кровь, а расплавленное золото. За спиной на мгновение вспыхнули и исчезли два призрачных крыла, сотканных из пепла и пламени.

Пожар стих. Не погас — он просто впитался в тело пришельца, оставив после себя лишь чёрный, дымящийся круг выжженной земли и горстку пепла под ногами.

Он стоял посреди этого пепелища — голый, босый, но абсолютно живой.

И тут до него дошло.

Тени, пронёсшиеся в небе. Чужая память в голове. Тело, которое восстало из огня. Это не галлюцинация. Не пьяный бред умирающего мозга.

Это другой мир.

В его мире он потерял всё. Семью. Дело. Себя. Там были суды, связи, деньги — и никакой справедливости. Там нельзя было ничего исправить. Но здесь...

Здесь огонь слушался его. Здесь мёртвое тело ожило. Значит, законы этого мира отличаются от законов его старого, гнилого, прогнившего насквозь миропорядка. Значит, здесь есть место чуду. Настоящему чуду.

Мысль ударила, словно молния.

Если здесь работает чудо... если душа может вернуться в мёртвое тело... значит, есть способ воскресить и их.

Он замер. Не надежда — нет, надежда для слабаков. Холодный, трезвый расчёт. Задача.

Если в этом мире существуют техники, способные поднять из мёртвых... значит, мне нужна сила. Абсолютная сила. Сила, способная переписать законы мироздания.

Он поднял взгляд к мутному небу, где только что пролетали силуэты культиваторов. Глаза его вспыхнули золотом.

Если для этого нужно стать богом — я им стану. Любой ценой.

Вдалеке послышались испуганные крики. Местные заметили пожар. Пора уходить. Но прежде чем раствориться в узких улочках трущоб, он наклонился и зачерпнул горсть ещё тёплого пепла.

Пепел засветился в его ладони мягким золотом, а затем впитался прямо в кожу.

Моё. Всё это теперь моё.

И он шагнул во тьму переулков — человек, который однажды уже потерял всё, а теперь получил второй шанс. И уж этот шанс он не упустит.

АКТ 1.

Глава 1. Пепел не прощает

Алексей не помнил, сколько прошло времени с момента, как он покинул пепелище.

Он просто шёл. Босые ноги ступали по холодной, утоптанной грязи узких переулков. Стены домов, сложенные из грубого серого камня, давили со всех сторон. Вонь нечистот и гниющей рыбы стала почти привычной. Чужая память Шэна вела его куда-то, и он не сопротивлялся. Сопротивляться не было сил.

Тело всё ещё горело изнутри. Не болью — странным, глубинным жаром, который пульсировал где-то в груди, словно второе сердце. Пепел, что он впитал на пожарище, осел где-то внутри и теперь тихо ждал своего часа.

Он свернул в очередной проулок и замер.

Три фигуры стояли у покосившегося забора, о чём-то тихо переговариваясь. Пацаны. Лет пятнадцати-шестнадцати,

одетые чуть лучше обычных трущобных оборванцев. И память Шэна услужливо подбросила имена ещё до того, как Алексей осознал, что смотрит на них.

Дань. Кривой. И Вэй.

Сердце пропустило удар. Не от страха — от волны чужой, липкой, унижительной ненависти, которая захлестнула сознание. Эти трое были его личными демонами. Они травили Шэна годами. Сначала просто насмешки и пинки. Потом — избиения. Регулярные, жестокие, до полусмерти. Просто так. Потому что могли. Потому что Шэн был никем, а Вэй — сын деревенского старосты. Его отец заправлял в этой дыре, и мальчишке сходило с рук всё.

Алексей почувствовал, как помимо его воли сжимаются кулаки. Гнев — чужой и его собственный — поднялся из глубины живота.

Он попытался уйти. Просто развернуться и исчезнуть в темноте, пока его не заметили. Он не хотел проблем. Ему нужно было осмыслить произошедшее, понять, где он и что делать дальше. Но тело Шэна, похоже, помнило всё слишком хорошо — ноги словно приросли к земле.

Дань заметил его первым.

— Глядите, — его голос дрогнул. — Это же... Мусор?

Все трое уставились на Алексея. На их лицах отразилась гамма эмоций: недоверие, испуг, а затем — быстро проступающее, злое недоумение.

— Не может быть, — прошептал Кривой, названный так за съехавший набок глаз. — Мы же сами...

Он осёкся, но Алексей и так всё знал. Память Шэна донесла последние мгновения перед смертью: смех, горящая солома на крыше, крики изнутри, а затем удушливый дым и темнота.

— Он выжил, — Вэй, сын старосты, шагнул вперёд. Лицо его было бледным, но взгляд — холодным и расчётливым. — Как?

— Какая разница, как? — Дань нервно облизнул губы. — Если он расскажет...

— Кому? — Вэй скривился. — Отцу? Думаешь, кто-то поверит бродячему Мусору? Ублюдку без роду и племени?

Он говорил уверенно, но что-то в его глазах надломилось.

Алексей слишком хорошо знал этот взгляд. Так смотрят люди, которые понимают, что могут потерять всё из-за случайной оплошности. Даже если им ничего не грозит, даже если власть на их стороне — страх разоблачения парализует сильнее любого наказания.

— Доделаем, — тихо сказал Вэй.

Кривой моргнул.

— Чего?

— Доделаем, — повторил Вэй, и в его руке блеснул нож. Короткий, но острый, явно не из дешёвого металла. — Прямо сейчас. Здесь. И закопаем поглубже. Никто не узнает.

Дань и Кривой переглянулись. На мгновение в их глазах промелькнуло сомнение — не совесть, нет, просто страх перед грязной работой. Но привычка подчиняться сыну старости перевесила.

Они двинулись на Алексея.

Он мог бы побежать. Мог бы закричать. Но он не сделал ни того, ни другого. Вместо этого он выпрямился и посмотрел на них — спокойно, без тени страха. И этот взгляд за-

ставил пацанов замешкаться.

Потому что Шэн никогда так не смотрел.

— Сдохни, Мусор, — прошипел Дань и бросился первым.

Алексей попытался увернуться, но чужое тело не слушалось его до конца. Реакция подвела. Дань врезался в него плечом, сбивая с ног, и они покатались по грязной земле. Кривой тут же навалился сверху, заламывая правую руку. Алексей рванулся, но силы подростка, истощённого годами недоедания, не шли ни в какое сравнение с двумя озлобленными пацанами.

— Держите его, — холодно скомандовал Вэй, приближаясь.

Дань навалился на левую руку, выкручивая её под неестественным углом. Алексей зарычал от боли, попытался сбросить их, но тщетно. Тело не слушалось. Слишком слабое. Слишком чужое.

Вэй опустил на корточки рядом с ним. Нож в его руке тускло блеснул в свете дальнего фонаря.

— Ты должен был сгореть, — сказал он почти буднично.

— Зачем ты выжил, Мусор? Теперь придётся мучиться.

И он ударил.

Первый удар пришёлся в живот. Острая, обжигающая боль пронзила тело. Алексей закричал — коротко, сдавленно, сквозь стиснутые зубы. Вэй вытащил нож и ударил снова. В бок. Потом ещё. И ещё.

Он работал методично, без злобы, словно забивал скотину.

Сознание Алексея поплыло. Перед глазами замелькали образы: Аня, Даня, Соня. Их лица, их голоса. Сцена на суде, где убийца его семьи ухмылялся за спиной отца-адвоката. Всё, что он потерял. Всё, за что не смог отомстить.

И теперь — снова. Снова какие-то ублюдки отнимают у него жизнь. Снова безнаказанность. Снова он — жертва.

Внутри что-то щёлкнуло.

Хватит.

Тело вспыхнуло.

Это не было похоже на обычный огонь. Золотое, ослепительное сияние вырвалось из его кожи одновременно повсюду. Жар, который он чувствовал внутри с момента пробуждения, выплеснулся наружу, и мир на секунду стал белым.

Взрыв. Глухой, утробный хлопок, похожий на звук гранаты, брошенной в закрытом помещении.

Дана и Кривого отшвырнуло в стороны, словно тряпичных кукол. Они врезались в стены проулка с тошнотворным хрустом ломающихся костей и сползли на землю. Один из них — Алексей не видел кто — беззвучно открывал рот, словно выброшенная на берег рыба.

Вэй остался на месте. Он застыл с занесённым для удара ножом, и его лицо было белее мела. Нож дрожал в его руке. Он смотрел на Алексея — а тот медленно, нечеловеческим движением, поднимался с земли.

Раны на животе и боку ещё дымились, но кровь уже не текла. Края порезов светились золотом, стягиваясь прямо на глазах. Кожа Алексея мерцала, покрытая паутиной огненных линий. Глаза пылали, словно два угля.

— Ты... — прошептал Вэй. Голос его сорвался. — Что ты такое?

Алексей не ответил. Он смотрел на нож в руке сына старосты, и в голове его билась одна-единственная мысль, холодная и ясная.

Никто не должен узнать.

Если слухи о его силе разойдутся — за ним придут. Секты, старейшины, охотники за редкостями. Его разберут на части, посадят в клетку, заставят служить. А он не может этого допустить. Потому что у него есть цель. Потому что где-то там, за гранью этого мира, его ждут Аня, Даня и Соня.

И ради них он убьёт кого угодно.

Вэй попятился. Нож выпал из его ослабевших пальцев и звякнул о камень. Сын старосты открыл рот, чтобы закричать — но не успел.

Алексей сократил дистанцию одним движением. Его рука, всё ещё объятая остатками золотого сияния, сомкнулась на горле Вэя. Тот захрипел, засучил ногами, попытался отодрать его пальцы — но хватка была стальной.

Алексей смотрел ему в глаза. Без ненависти. Без жалости. Просто как на препятствие, которое нужно устранить.

Хруст шейных позвонков прозвучал в тишине переулка до отвратительного буднично.

Тело Вэя обмякло и рухнуло на землю.

Алексей выдохнул. Золотое свечение на его коже медленно погасло, оставив после себя только тусклый, едва заметный отблеск. Он опустился на колено рядом с телом сына старосты и прижал два пальца к его шее. Пульса не было.

Затем он проверил остальных. Дань лежал, выгнувшись под неестественным углом. Шея сломана при ударе о стену. Кривой ещё хрипел — тихо, прерывисто, — но пока Алексей шёл к нему, хрип стих.

Тишина.

Он убил их. Троих пацанов. Убил не в бою, не в честной схватке — одного задушил голыми руками, словно щенка, а двоих разорвало его пробудившейся силой.

И он ничего не чувствовал.

Нет, не так. Он чувствовал облегчение. Потому что угроза устранена. Потому что он выжил. Потому что он сделал ещё

один шаг к своей цели.

Если для этого нужно стать богом — я им стану. Любой ценой.

Он наклонился и подобрал нож Вэя. Хороший нож. Ещё тёплый от руки хозяина. Затем обыскал тела: у Дана нашлось несколько медяков, у Кривого — огниво, у Вэя — небольшой мешочек с десятком серебряных монет и какая-то деревянная бирка с печатью. Пропуск в усадьбу старосты? Или метка принадлежности к его роду? Стоит сохранить.

Одежда с них не подходила — слишком велика, да и чужая кровь на ткани вызовет вопросы. Но с Вэя он снял крепкие кожаные сандалии. Не ходить же босиком.

Тела он оттащил в дальний угол переулка и завалил мусором. Этого хватит ненадолго — но хотя бы до утра их не найдут. А к утру он должен быть как можно дальше отсюда.

Он выпрямился, тяжело дыша. Раны на животе и боку всё ещё отдавали тупой болью, но уже не кровоточили. Он чувствовал, как внутри медленно разгорается тот самый жар — словно пепел, впитанный на пожарище, ждал своего часа, чтобы вырваться наружу.

Значит, это работает. Значит, его сила — не случайность. Она настоящая. И он будет учиться ею управлять.

Алексей бросил последний взгляд на пепелище, которое осталось за спиной. Там, в догорающих углях, закончилась его прошлая жизнь. И началась новая.

Глава 2. Старый Шань

Алексей шёл уже около часа.

Город Тысячи Копий, насколько он мог судить по обрывочным воспоминаниям Шэна, представлял собой лабиринт из узких улочек, ветхих лачуг и зловонных сточных канав. Даже в предрассветных сумерках здесь кипела жизнь — тени шмыгали от стены к стене, где-то плакал ребёнок, где-то хрипло смеялись пьяные голоса.

Он выбрал путь подальше от людских глаз, прижимаясь к стенам и стараясь не выходить на открытые участки. Чужие сандалии, снятые с мёртвого Вэя, были чуть великоваты и натирали пятки, но это было лучше, чем идти босиком. Нож он спрятал за пазуху, примотав полоской ткани, оторванной от рубахи одного из покойников.

Раны на животе и боку всё ещё отдавали тупой болью, но больше не кровоточили. Жар внутри то угасал, то вспыхивал с новой силой, словно угли, раздуваемые ветром. Алексей не понимал природу этой силы, но чувствовал: она живая. Она ждёт чего-то. Или кого-то.

Ему нужно было укрытие. Хотя бы на пару часов, чтобы перевести дух и осмыслить произошедшее.

— Удивительно.

Голос раздался откуда-то сбоку, из тёмного проёма между двумя покосившимися лачугами. Алексей замер. Рука сама скользнула за пазуху, сжимая рукоять ножа.

— Не дёргайся, — голос был старческим, с хрипотцой, но совершенно спокойным. — Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже не дышал.

Из темноты, опираясь на кривую палку, вышел человек. Ему было лет семьдесят, а может, и все восемьдесят — морщинистое лицо напоминало кору старого дерева. Жидкая седая борода, длинные волосы, собранные в небрежный хвост. Одет он был в драный халат, подпоясанный верёвкой, на ногах — разношенные сандалии. Вылитый нищий.

Но глаза.

Глаза у этого старика были не нищенские. Глубокие, тёмные, с каким-то странным внутренним светом — они смотрели не на Алексея, а словно сквозь него. Так смотрят люди, которые видели нечто, недоступное другим.

— Ты Шэн, — произнёс старик задумчиво. — Хотя... нет. Шэн был пустым. А ты... — он склонил голову набок, словно разглядывая диковинную бабочку. — Ты полон до краёв. И твоя полнота пахнет пеплом. Забавно.

Алексей напрягся. Пальцы сильнее сжали рукоять ножа.

— Кто ты?

— Зови меня Шань, — старик чуть поклонился, и в этом поклоне не было ни капли подобострастия — одна только ирония. — Философ, отшельник, пьяница, бродяга — выбирай, что больше нравится. Я уже давно не цепляюсь за определения.

— Что тебе нужно?

— Мне? — Шань улыбнулся. — Мне нужно посмотреть, чем закончится эта история. Видишь ли, парень, я живу в этих трущобах уже очень давно. Я видел тысячи людей: они рождались, мучились и умирали, и всё это было до отвращения предсказуемо. А потом ты сгорел в лачуге, которую подожгли трое придурков, — и каким-то образом вышел из огня другим человеком. Не находишь это любопытным?

— Ты следил за мной?

— Я много за чем слежу, — Шань пожал плечами. — Это помогает от скуки. Идём. У меня есть место, где можно поговорить без лишних ушей.

Он развернулся и заковылял прочь, даже не оборачиваясь. Алексей колебался. Что-то в этом старике было неправильное. Но он был прав в одном: выбор у Алексея был невелик. Либо идти за странным философом, который хотя бы не пытался его убить, либо бродить по трущобам, пока не наткнётся на людей старосты.

Он пошёл.

Убежище Шаня оказалось на удивление уютным.

Это был подвал под заброшенным складом на окраине трущоб. Попасть туда можно было только через узкий лаз, прикрытый ржавым листом железа. Внутри было темно, но сухо и чисто. В углу лежал старый матрас, набитый соломой, рядом стоял низкий столик, заставленный глиняными плошками и горшочками с травами. На стенах висели свитки с какими-то письменами — Алексей не мог их прочесть. В цен-

тре комнаты, прямо на земляном полу, был выложен круг из речных камней, а внутри круга лежала горстка пепла.

Алексей задержал на ней взгляд.

— Заметил, — Шань хмыкнул, усаживаясь на циновку. — Любопытно. Обычные люди не обращают внимания на пепел. А ты обратил. Садись. И можешь убрать нож — он тебе здесь не понадобится.

Алексей сел напротив старика, но нож убирать не стал. Положил рядом, на расстоянии вытянутой руки.

— Ты сказал, я «другой человек», — произнёс он. — Что ты имел в виду?

Шань взял с полки глиняный чайник и две чашки. Движения его были медленными, но точными — ни следа старческой дрожи.

— Я много лет изучал природу вещей. Люди думают, что философия — это размышления о пустоте. Но настоящая философия — это наблюдение. Я смотрю и вижу. Я видел Шэна много раз. Он ходил, опустив плечи, глядя в землю. Он был как пустой сосуд — тело без духа. А ты... — старик плеснул в чашки какую-то тёмную жидкость, пахнущую тра-

вами, — ты ходишь так, словно за твоей спиной стоят легионы. Хотя ты всего лишь мальчишка в драной одежде. Значит, в тебе есть то, чего не было в Шэне.

— И что же это?

— Я надеялся, ты мне расскажешь, — Шань улыбнулся и придвинул чашку к Алексею. — Пей. Это простая трава, но она помогает восстановить силы.

Алексей не притронулся к чашке.

— Почему ты помогаешь мне?

Старик отпил из своей чашки и прикрыл глаза, смакуя вкус.

— Можешь считать это благотворительностью, — произнёс он наконец. — Или развлечением. Или старческой прихотью. А вообще, — он открыл глаза и посмотрел прямо на Алексея, — это не должно тебя волновать. У тебя разве есть выбор?

Алексей промолчал.

— Запомни одну вещь, парень, — продолжил Шань, и го-

лос его вдруг стал жёстче. — Если тебе предлагают то, что ты сам не в силах добыть, — бери. Не спрашивай, не сомневайся, не ищи скрытых мотивов. Просто бери. Потому что второго шанса может не быть. А когда возьмёшь и встанешь на ноги — вот тогда и будешь разбираться, кто друг, а кто враг.

Он отставил чашку и сложил руки на коленях.

— Тебе нужны знания. У меня они есть. Ты хочешь стать сильным. Я знаю, с чего начать. Взамен я хочу только одного — наблюдать. Сидеть в своём углу и смотреть, как разворачивается эта история. Потому что, чую, она будет интересной.

Алексей долго смотрел на старика. Что-то в его словах цепляло. Не наивная доброта, не корыстный расчёт — что-то третье. Словно старику и правда было просто любопытно.

«Если предлагают то, что сам не можешь добыть, — бери».

Он взял чашку и сделал глоток. Горькая, терпкая жидкость обожгла горло, но почти сразу по телу разлилось приятное тепло.

— Хорошо, — сказал он. — Рассказывай.

Шань рассказывал долго. И он был совсем не похож на простого нищего.

Он говорил о мире — Безымянном Континенте, где Город Тысячи Копий был лишь крошечной точкой на юго-восточной окраине. О Великих Империях, что делили земли, словно хищники добычу. О Диких Землях, куда не совались даже сильнейшие.

Он говорил о культивации — и тут его голос становился почти поэтическим.

— Ци, — он чертил сухой веткой на земляном полу, — это дыхание мира. Представь себе океан. Ты — рыба в этом океане, но ты об этом не знаешь. Ты просто живёшь, дышишь, двигаешься — и не замечаешь воды вокруг. Культивация — это способ осознать, что ты в океане. И научиться им управлять.

Он нарисовал круг.

— Первый этап — Смертный. Три ступени. Очищение Те-ла: ты изгоняешь из себя всю грязь, которую копил годами.

Твои кости становятся твёрже, мышцы — крепче. Открытие Меридианов: ты прокладываешь каналы, по которым потечёт Ци. Это больно, но необходимо. Формирование Ядра: ты создаёшь в себе резервуар, даньтянь. Без него ты — просто крепкий смертный.

Вокруг первого круга он нарисовал второй.

— Второй этап — Земной. Конденсация Ци: твоя энергия уплотняется до жидкого состояния. Золотое Ядро: твой даньтянь трансформируется, и ты получаешь первую отсрочку от смерти — сотни лет жизни. Зарождение Души: ты формируешь духовное тело и можешь существовать отдельно от физической оболочки. Это уровень мастера.

И третий круг.

— Третий этап — Небесный. Единение с Дао: ты понимаешь законы мироздания и можешь их использовать. Трансформация: твоё тело и душа перестраиваются на фундаментальном уровне. Вознесение: ты становишься полубогом. Один шаг до Бессмертного.

Он замолчал и посмотрел на Алексея.

— А за гранью Вознесения — Бессмертный. Тот, кто по-

знал всё. Тот, кто может переписывать законы реальности. Но последнего Бессмертного убили тысячу лет назад. С тех пор никто не достиг вершины.

Алексей слушал, не перебивая. Каждое слово он впитывал, словно пепел — влагу. А когда старик закончил, задал вопрос, который мучил его больше всего:

— Бессмертный может воскресить мёртвого?

Шань поднял на него глаза. Долго смотрел, не моргая. Впервые за весь разговор на его лице не было ни улыбки, ни иронии — только холодное, оценивающее внимание.

— Вот, значит, какая у тебя цель, — произнёс он тихо. — Не власть. Не богатство. Не слава. Ты хочешь вернуть кого-то.

Алексей не ответил.

— Что ж, — старик отвёл взгляд. — Говорят, что Бессмертный мог воскрешать целые народы. Говорят, что он мог даровать жизнь одним лишь словом. Но это легенды. Сказки для глупцов. Никто из ныне живущих не видел ничего подобного.

— Но это возможно? — надавил Алексей.

Шань помолчал.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я знаю другое. тысячу лет назад Бессмертный Император пал, и его наследие было утеряно. С тех пор никто не поднялся выше Вознесения. Может быть, потому что это невозможно. А может быть — потому что кто-то или что-то мешает. Если хочешь узнать наверняка, тебе придётся дойти до конца.

— Я дойду.

Старик посмотрел на него и вдруг рассмеялся — тихо, сухо, но без насмешки.

— А знаешь, я тебе верю. В тебе есть то, чего нет в других. Какая-то... завершенность. Ты уже прошёл через худшее, что может случиться с человеком. Теперь тебя ничто не остановит.

Он поднялся, кряхтя.

— Ладно. Хватит разговоров. Через три дня в городе будет отбор в секту «Пылающей Ладони». Это мелочь, дно из дна. Но даже такое дно — это начало. Там тебя научат азам.

Если пройдёшь отбор.

— Я пройду.

— Не сомневаюсь, — Шань направился к лестнице. — А теперь спи. Завтра я покажу тебе пару вещей, которые помогут не сдохнуть в первые же дни. Не магия, но полезно. А мне нужно подумать.

Он остановился у выхода и бросил последний взгляд на Алексея.

— И вот ещё что. В секте у тебя будут враги. Не показывай им свою истинную силу. Пусть думают, что ты слаб. Слабых не боятся. Слабых не замечают. А когда никто не смотрит — слабый может нанести удар, от которого не оправится даже сильнейший.

Он исчез в темноте лаза, оставив Алексея одного.

Тот ещё долго сидел, глядя на каменный круг с пеплом в центре. Мысли его были тяжелы и горьки, но где-то глубоко внутри, под слоем золы, разгорался огонь.

Бессмертный мог воскрешать.

Значит, я им стану.

Он лёг на матрас, закрыл глаза и впервые за долгое время уснул без сновидений.

Глава 3. Искусство быть тенью

Первый день тренировок начался задолго до рассвета.

Шань растолкал Алексея, когда за узким окошком под толчком ещё не забрезжил свет. Старик был бодр и свеж, словно и не пил накануне ту терпкую травяную настойку до глубокой ночи.

— Вставай, будущий Бессмертный, — в его голосе звучала привычная ирония. — Путь в тысячу ли начинается с первого шага. А первый шаг — это осознать, насколько ты слаб.

Алексей поднялся без возражений. Тело всё ещё ныло после вчерашнего — раны на животе и боку затянулись, но глубоко внутри саднило, словно там поселился раскалённый уголёк. Он уже понял, что это не боль, а сама сила, пробудившаяся в нём. Она ждала выхода.

Шань вывел его на пустырь за складом. В предрассветных сумерках это место выглядело особенно уныло: вытоптанная земля, кучи мусора, покосившийся забор. Но старика это не смущало.

— Начнём с простого, — сказал он, усаживаясь на перевёрнутый ящик. — Сядь. Закрой глаза. И попробуй почувствовать свою силу.

Алексей сел прямо на холодную землю и закрыл глаза.

— Что я должен почувствовать?

— Ты узнаешь, — голос Шаня звучал откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды. — У тебя внутри есть огонь. Не обычный, не тот, что жжёт дрова. Это огонь жизни. Огонь, что воскресил тебя из пепла. Найди его. Не пытайся контролировать — просто коснись.

Алексей сосредоточился.

Сначала ничего не происходило. Только темнота под веками и холодный утренний воздух. Но потом он почувствовал — где-то глубоко в груди, чуть ниже сердца, — тепло. Слабое, едва уловимое, словно тлеющий уголёк, присыпанный золой.

Он потянулся к нему.

И мир взорвался.

Пепел вырвался из его ладоней непроизвольно — серое облако, окутавшее кисти, словно перчатки. Алексей распахнул глаза и увидел, как его руки дымятся, покрытые тонким слоем пепла, который переливался в темноте едва заметными золотыми искрами.

— Хм, — Шань подался вперёд, и в его глазах мелькнул неподдельный интерес. — Пепел. А я-то думал, что ты — просто огонь. Пепел... это куда интереснее.

— Что это значит? — Алексей смотрел на свои руки с удивлением и страхом. Пепел не жёг его. Наоборот — он чувствовал его как продолжение собственного тела.

— Огонь разрушает, — задумчиво произнёс старик. — А пепел... пепел — это то, что остаётся после разрушения. Это память огня. Это потенциал. Из пепла может возродиться что угодно. Значит, твоя сила — это сила превращения, а не уничтожения.

Он поднялся с ящика и подошёл ближе.

— Попробуй что-нибудь сделать. Собери пепел в ладони.

Алексей попытался. Пепел подчинялся с трудом — он был словно вода, которая просачивается сквозь пальцы. сосре-

доточившись, он смог собрать небольшую горстку на правой ладони. Пепел лежал спокойно, едва заметно мерцая.

— А теперь придай ему форму, — скомандовал Шань.

— Какую?

— Любую. Шар. Нож. Что угодно.

Алексей уставился на горстку пепла. Он представил себе шар — простую, гладкую сферу. Пепел дрогнул, задрожал, но не изменился. Он попытался сильнее — пепел лишь расползся по ладони.

— Не напрягайся, — голос Шаня стал мягче. — Ты пытаешься приказать. А сила не подчиняется приказам. Она — часть тебя. Не приказывай. Представь. Как ты представляешь себе удар, когда бьёшь. Как ты представляешь себе шаг, когда идёшь. Ты же не думаешь: «Нога, поднимись и переставься». Ты просто идёшь.

Алексей закрыл глаза и попытался иначе.

Он представил, что пепел — это продолжение его мысли. Не инструмент, а часть тела. Как палец. Как ладонь. Он просто подумал: «шар» — и позволил пеплу самому найти форму.

му.

Ладонь потеплела. Он открыл глаза.

На его руке лежал идеально ровный пепельный шарик. Маленький, с горошину, но абсолютно круглый и твёрдый на ощупь.

— Вот, — Шань улыбнулся. — Уже лучше. А теперь сожми его.

Алексей сжал кулак. Пепельный шарик лопнул, но пепел не осыпался — он впитался обратно в ладонь, возвращаясь в тело.

— Запомни это ощущение, — сказал старик. — Это основа. Твоя сила — это не оружие, которое ты держишь в руках. Это часть тебя. И чем лучше ты это осознаешь, тем сильнее станешь.

Они тренировались весь день.

Шань не учил его магии — он сам признался, что уже много лет не может взаимодействовать с Ци. Но он знал теорию.

И, что важнее, он знал людей.

— В секте тебя не будут учить терпеливо, — говорил он, пока Алексей в сотый раз пытался удержать форму пепельного клинка. — Там нет места философии. Учителя скажут: «делай так», и если не получится — ты вылетишь. Такие секты, как «Пылающая Ладонь», — это сито. Они отсеивают слабых и оставляют сильных. Поэтому твоя задача — не показать всё, на что ты способен. Твоя задача — показать ровно столько, чтобы тебя не вышвырнули.

— Почему? — Алексей наконец смог удержать клинок на три секунды, прежде чем тот осыпался.

— Потому что талантливых новичков либо сразу берут под крыло, либо сразу же убивают. И то, и другое тебе сейчас не нужно. Тебе нужно время. Три месяца тишины, чтобы освоиться, понять правила и развить силу. А потом — можешь сиять сколько угодно. Но не раньше.

— Откуда ты всё это знаешь?

Шань помолчал.

— Я не всегда был отшельником, парень. Когда-то я тоже ходил по этому пути. Далеко не зашёл, но кое-что понял.

А потом... — он неопределённо махнул рукой, — потом решил, что наблюдать интереснее, чем участвовать.

— Почему ты бросил?

Старик посмотрел на него долгим взглядом.

— Я не бросил. Я просто выбрал другую дорогу. А теперь заканчивай с клинком и переходи к пеплу. Попробуй не создать форму, а растворить что-нибудь. Вон тот камень.

Алексей перевёл взгляд на булыжник, лежащий у забора. Подошёл, коснулся его ладонью и сосредоточился. Он представил, как пепел проникает в камень, как жар разрушает его структуру.

Ничего не произошло.

— Не камень, — Шань хмыкнул. — Попробуй что-то поменьше. Лист. Ветку. Травинку. Разрушать проще, чем создавать. Но даже для разрушения нужно понимать то, что ты разрушаешь.

Алексей нашёл сухую ветку. Коснулся её.

И ветка рассыпалась в пепел.

Он замер, глядя на серую пыль на своей ладони. Пепел был тёплым, почти горячим. И в тот момент, когда он коснулся его, в голове мелькнула короткая, неясная картинка: дерево, из которого эта ветка была сломана. Старый дуб на окраине трущоб. И мальчишка, который сломал эту ветку три дня назад, просто так, от скуки.

— Я это видел, — прошептал он. — Я видел, откуда эта ветка.

Шань подошёл ближе. Глаза его сузились.

— Память, — сказал он тихо. — Ты читаешь память вещей. Это редкий дар. Пепел хранит историю того, чем был предмет. И ты, как феникс, можешь эту историю прочесть.

Он помолчал, а затем опустил на свой перевёрнутый ящик и жестом пригласил Алексея сесть рядом.

— Присядь. Раз уж ты проявил эту способность, пришло время рассказать тебе кое-что важное. То, о чём я не хотел говорить до отбора.

Алексей сел. Солнце уже поднялось над трущобами, заливая пустырь бледным утренним светом. Шань достал от-

куда-то из складок халата маленькую глиняную флягу и сделал глоток.

— Ты, наверное, думаешь, что этот мир полон культиваторов. Что каждый второй здесь летает на мечях и дробит скалы щелчком пальцев.

— Я видел их в небе, — сказал Алексей. — В первую ночь. Они пролетали над городом.

— Видел, — кивнул Шань. — И сколько их было? Трое? Пятеро? А теперь представь: в Городе Тысячи Копий живёт около трёхсот тысяч человек. Из них даром культивации обладает примерно один из ста. Один процент, парень. И это только дар — искра, потенциал. Из этого одного процента лишь каждый десятый когда-либо достигнет хотя бы Формирования Ядра. Остальные застрянут на Очищении Тела или Открытии Меридианов и пойдут служить в городскую стражу, в охрану караванов, в наёмники. Это предел для большинства.

Он сделал ещё глоток.

— А теперь подумай: из тех, кто сформировал Ядро, лишь малая часть достигнет Земного этапа. Из них — единицы пробьются на Небесный. А Вознесение и тем более Бессмер-

тие... — он покачал головой, — это даже не статистика. Это легенды. Последний Бессмертный умер тысячу лет назад, и с тех пор никто не смог повторить его путь. Никто. За тысячу лет. Ты понимаешь, что это значит?

Алексей молчал.

— Это значит, что девяносто девять процентов людей в этом мире, — Шань обвёл рукой вокруг, — просто люди. Они рождаются, живут и умирают, даже не подозревая, что Ци существует. Они не чувствуют её. Они не могут её накопить. Для них культиваторы — это что-то вроде богов или демонов, в зависимости от того, повезло им или нет. И когда ты завтра пойдёшь на отбор, ты пойдёшь туда не как обычный человек. Ты пойдёшь туда как один из избранных.

Он наклонился ближе, и голос его стал ниже.

— Но помни: избранных много, а вершина — одна. И каждый из этих избранных будет видеть в тебе конкурента. Не друга. Не союзника. Конкурента за ресурсы, за внимание наставников, за право подняться выше. Поэтому я и говорю тебе: не показывай свою силу. Пусть думают, что ты — обычный новичок, один из многих. Иначе тебя сожрут раньше, чем ты научишься летать.

Алексей переваривал услышанное. Один процент. А из этого процента — лишь единицы достигают настоящей силы. И он — один из них.

Нет. Не просто один из них.

Он — тот, кто уже проходил через смерть и возвращался. У него есть сила, которой нет у других.

— Я понял, — сказал он наконец.

— Хорошо, — Шань откинулся назад. — Тогда продолжим. Попробуй теперь не просто прочесть память, а сохранить её. Спрятать внутри пепла. Это сложнее, но когда-нибудь тебе пригодится. Информация — это сила. А сила тебе понадобится.

Остаток дня они провели за упражнениями. К вечеру Алексей научился удерживать пепельный клинок до десяти секунд и растворил с десятков мелких предметов. Но главное — он научился прятать пепел внутри тела, не давая ему вырваться наружу. Это было похоже на то, как если бы он задерживал дыхание — только не воздухом, а самой силой.

Когда солнце начало клониться к закату, они вернулись в подвал.

Шань заварил ту самую травяную настойку и разлил по чашкам. Алексей пил молча, переваривая события дня. Тепло гудело от усталости, но это была приятная усталость — усталость от работы, а не от выживания.

— Завтра я расскажу тебе про секту, — сказал Шань. — «Пылающая Ладонь» — это не просто школа. У них есть свои порядки, свои старейшины, свои интриги. Ты должен знать, кому кланяться, кого избегать, а кого — бить первым. И ещё...

Он выдержал паузу.

— Тебе понадобится имя.

— У меня есть имя.

— Шэн — это имя мёртвого мальчика, — старик покачал головой. — Ты не Шэн. И Алексей — тоже не подходит. Слишком чужое для этих мест. Придумай что-то новое. Что-то, что будет значить что-то только для тебя.

Алексей задумался.

Имя. Новое имя для новой жизни. Символ того, кем он стал и кем хочет стать.

Он вспомнил огонь. Вспомнил пепел. Вспомнил, как стоял посреди пожарища и чувствовал, что за спиной раскрываются невидимые крылья.

— Феникс, — произнёс он. — Я буду Фениксом.

— Громко, — Шань хмыкнул. — Слишком громко. Укороти. Фэн. Просто Фэн. Иероглиф «пепел» в некоторых диалектах звучит именно так. Никто не догадается.

— Фэн, — Алексей попробовал имя на вкус. — Хорошо. Пусть будет Фэн.

— Ну вот, — старик поднял чашку. — За Фэна. За того, кто восстал из пепла. И за то, чтобы он не сгорел раньше времени.

Они выпили. За окном сгущалась ночь, и где-то вдалеке, над Городом Тысячи Копий, пролетали силуэты культиваторов — слишком быстрые, чтобы их можно было разглядеть.

Алексей — теперь уже Фэн — смотрел в темноту и думал

о том, что через два дня его жизнь снова изменится.

Глава 4. Отбор

Утро дня отбора выдалось пасмурным и холодным.

Серые тучи нависали над Городом Тысячи Копий, словно кто-то накрыл небо грязным одеялом. Моросил мелкий дождь, превращая улицы трущоб в месиво из грязи и нечистот. Но даже погода не могла разогнать толпу, собравшуюся у ворот Северного Двора — единственного места в городе, где малые секты проводили набор новичков.

Фэн стоял в толпе, надвинув на глаза капюшон драного плаща, который выдал ему Шань. Плащ был старым, местами протёртым до дыр, но чистым — старик настоял, чтобы парень хотя бы отмылся перед отбором.

— Там будут сотни претендентов, — сказал он на прощание. — И наставники первым делом смотрят не на силу, а на то, как ты себя держишь. Грязного оборванца вышвырнут, даже не проверив дар. А чистый оборванец — это уже загадка. Загадка — это интересно.

Фэн запомнил эти слова.

Теперь он стоял, затерявшись среди таких же претендентов, и внимательно наблюдал. Народ собрался разный. Были здесь и крестьянские парни в домотканых рубахах, и дети ремесленников в добротной, но скромной одежде, и даже пара-тройка юношей в шёлковых халатах — сыновья богатых купцов или младших чиновников. Были и девушки — немного, но были. Всех объединяло одно: горящий в глазах голод. Голод до силы, до славы, до лучшей жизни.

Перед воротами возвышался деревянный помост, на котором пока никого не было. Над помостом развевались флаги нескольких сект, но Фэн не мог разобрать символов — слишком далеко.

— Первый раз? — раздался голос слева.

Фэн повернулся. Рядом с ним стоял парень примерно его возраста — то есть лет семнадцати на вид. Худой, жилистый, с коротко стриженными тёмными волосами и открытым, почти дружелюбным лицом. Одет просто, но опрятно. На поясе — небольшой нож в кожаных ножнах.

— Первый, — коротко ответил Фэн.

— Я так и подумал, — парень улыбнулся. — У тебя взгляд слишком внимательный. Новички всегда так смотрят — пы-

таются всё запомнить. А бывалые просто ждут. Меня зовут Линь. Я из семьи охотников, с южных окраин.

— Фэн, — представился он, пожимая протянутую руку.

— Просто Фэн? Без клана, без рода?

— Просто Фэн.

Линь понимающе кивнул, не став развивать тему.

— На какую секту целишься?

— «Пылающая Ладонь».

— Серьёзно? — Линь присвистнул. — Это же дно. Они даже собственного павильона не имеют — арендуют зал у городской стражи. У них из ресурсов только старые свитки да кулаки наставника. Зачем тебе туда?

— А тебе?

— Я иду в «Стальной Вдох», — Линь указал на флаг в центре помоста — серое полотно с изображением меча и кулака. — Они крепкие середняки. Не хватают звёзд с неба, но и не позорятся. После их подготовки можно перевестись

в нормальную секту.

— Я слышал, в «Пылающую Ладонь» проще попасть, — сказал Фэн. — А мне нужно начать хоть где-то.

— Ну, в этом ты прав, — Линь хмыкнул. — Туда берут почти всех, у кого есть хоть капля Ци. Но и вылетают оттуда быстро. Говорят, у них наставник — старый псих с дурным характером. Из учеников выживают только самые упёртые.

Фэн хотел ответить, но в этот момент на помост поднялись люди.

Их было пятеро — по одному представителю от каждой секты. Высокий седовласый мужчина в сером халате — «Стальной Вдох». Полная женщина в зелёном — «Шепчущий Бамбук», секта травников и целителей. Молодой, но надменный человек в чёрном — «Теневой Ручей», специалисты по скрытности и ядам. Сухой старик с посохом — «Обитель Ясного Утра», секта медитации и духовных практик. И, наконец, тот, кого Фэн ждал больше всего, — огромный, плечистый мужчина с обветренным лицом и руками, похожими на кузнечные молоты. Его халат был старым, кое-где прожжённым, а на правой ладони виднелся шрам в форме ожога.

«Пылающая Ладонь».

Наставник даже не потрудился надеть парадную одежду. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на толпу с выражением крайнего презрения. Казалось, сама мысль о том, что ему придётся кого-то учить, вызывала у него зубную боль.

— Тихо! — раздался голос седовласого из «Стального Вздоха». Толпа затихла. — Сегодня пять сект проводят отбор новичков. Правила просты. Каждый из вас пройдёт три испытания. Первое — проверка дара. Мы определим, есть ли в вас искра культивации. Второе — испытание духа. Мы проверим вашу волю и стойкость. Третье — испытание тела. Мы посмотрим, на что вы способны физически. Те, кто пройдут все три, будут зачислены в секту. Те, кто провалят хотя бы одно, — свободны.

По толпе пробежал тревожный гул. Многие ожидали одного-двух испытаний, но три — это серьёзный отбор.

— Распределение по сектам — после первого испытания. Те, у кого сильный дар, получают предложения от нескольких сект. Те, у кого дар слабый, — только от одной или двух. Те, у кого дара нет, — провалят отбор сразу.

Фэн переглянулся с Линем. Тот подмигнул ему.

— Не дрейфь. Если у тебя есть искра — заметят. Дальше всё зависит от тебя.

— Первое испытание начнётся через десять минут, — продолжал седовласый. — Стройтесь в колонну по одному. Подходите к камню испытания, кладёте на него ладонь и держите, пока не скажут «достаточно».

В центре помоста уже устанавливали большой кристалл на треноге — мутно-белый, с прожилками, похожий на кусок кварца размером с человеческую голову. Камень испытания. Фэн слышал о таких от Шаня: они реагируют на Ци, и по цвету свечения можно определить силу дара. Белый — слабый. Синий — средний. Золотой — сильный. Если не светится вообще — дара нет.

Толпа начала выстраиваться в очередь. Фэн машинально занял место, Линь встал следом.

— Слышал, в этом году сильные новички, — тихо сказал охотник. — Говорят, дочь старейшины из Западного квартала пробудила золотое свечение ещё в десять лет. И ещё какой-то парень из семьи наёмников — он якобы уже на Очищении Тела, хотя ему всего шестнадцать.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Охотники много болтают, — Линь пожал плечами. — Мы целыми днями сидим в засадах. Хочешь не хочешь — научишься слушать.

Очередь двигалась быстро. Претенденты один за другим поднимались на помост, касались камня и уходили. Большинство получали белое свечение — слабое, едва заметное. У некоторых — синее. Таких сразу брали в оборот представители сект, что-то записывали, кивали. Золотого пока не было.

— Следующий!

Фэн поднялся на помост. Сердце колотилось где-то в горле, но внешне он оставался спокойным. Шань учил его: «Не показывай страха. Страх привлекает хищников».

Он подошёл к камню и положил на него ладонь.

Кристалл был холодным и гладким на ощупь. В первый момент ничего не происходило. Затем по камню пробежала дрожь — и он засветился.

Синий.

Яркий, насыщенный синий цвет залил весь кристалл, словно кто-то зажёл внутри него факел. По толпе пробежал шёпот. Представители сект подались вперёд.

Фэн стоял неподвижно, глядя в кристалл. Внутри него, где-то глубоко, зашевелилась знакомая сила. Пепел. Он рвался наружу, желая показать себя во всей красе. Но Фэн сдержал его. Сжал внутри, словно кулак.

Не сейчас. Не здесь.

Свечение осталось синим. Ни намёка на золото.

— Достаточно, — голос седовласого прозвучал с ноткой разочарования. Он явно ожидал, что после такой яркой вспышки будет золотой финал. Но нет. Просто синий. Хороший, крепкий середняк — и не более.

Фэн убрал руку и спустился с помоста. Линь хлопнул его по плечу.

— Поздравляю! Синий — это отлично. С таким даром тебя возьмут куда угодно, кроме, может, «Обитатели Ясного Утра» — эти только золотых берут, зазнавшиеся ублюдки. Передумаешь насчёт «Пылающей Ладони»?

— Нет, — Фэн покачал головой. — Я знаю, куда иду.

— Ну, как знаешь. Моя очередь.

Линь легко взбежал на помост. Его результат тоже оказался синим — чуть бледнее, чем у Фэна, но всё равно достойным. Охотник вернулся с довольной ухмылкой.

— Ну, вот и всё. Теперь второе испытание.

Второе испытание проходило в другом конце площади. Там установили круг из десяти каменных столбов, каждый около метра высотой. Внутри круга стоял культиватор из «Обители Ясного Утра» — тот самый сухой старик с посохом.

— Испытание духа, — объявил он, когда претенденты собрались. — Я создам внутри круга давление Ци. Вы будете заходить по одному и стоять, сколько сможете. Чем дольше простои́те — тем выше балл. Минимальное время — тридцать секунд. Кто не выдержит — выбывает.

Он стукнул посохом по земле, и воздух внутри круга за-

дрожал. Фэн почувствовал это даже на расстоянии — волна давления, словно невидимая рука, надавила на плечи.

Первые несколько претендентов провалились почти сразу. Один выдержал десять секунд, другой — пятнадцать. Третий упал на колени и его выволокли из круга. Представители сект делали пометки.

— Давление духа, — прошептал Линь. — Говорят, на высоких ступенях культиваторы могут убивать одним лишь намерением. А тут — просто слабая тень того, что умеют мастера.

— Следующий! Фэн!

Он шагнул в круг.

Давление навалилось сразу — тяжёлое, удушающее, словно на грудь положили мешок с камнями. Воздух стал вязким, каждое движение давалось с трудом. Но Фэн стоял.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Давление усилилось. Теперь казалось, что его вдавливают в землю. Ноги дрожали, перед глазами поплыли тёмные пятна. Но внутри, в груди, снова проснулся знакомый жар.

Пепел не боялся давления. Он сам был давлением — силой, которая сжигает и возрождает.

Сорок секунд. Пятьдесят.

По толпе пробежал удивлённый гул. Для новичка без подготовки продержаться почти минуту — это серьёзный показатель.

Старик из «Обители Ясного Утра» приподнял бровь и что-то записал.

— Достаточно.

Фэн вышел из круга на дрожащих ногах, но с прямой спиной. Линь смотрел на него с новым выражением — теперь в его взгляде было не только дружелюбие, но и уважение.

— Ты полон сюрпризов, да?

— Просто не люблю проигрывать, — ответил Фэн.

Третье испытание — испытание тела — было простым и жестоким одновременно.

Претендентов выстроили в шеренгу на открытом поле за Северным Двором. Перед ними лежала полоса препятствий: грязевые ямы, каменные стены, подвесные брёвна. А в конце полосы стояли пять наставников — по одному от каждой секты.

— Добегаете до конца, — объяснил седовласый, — и наносите один удар по наставнику той секты, в которую хотите попасть. Удар должен быть настоящим. Без жалости. Наставник оценит вашу физическую форму и решит, достойны ли вы.

Фэн посмотрел на наставника «Пылающей Ладони». Тот стоял, всё так же скрестив руки, и смотрел на бегущих претендентов с откровенной скукой. Огромный, как скала, он казался несокрушимым.

— Приготовились! — скомандовал седовласый. — Начали!

Фэн побежал.

Полоса была сложной, но не невозможной. Грязевые ямы он перепрыгивал, стены брал с разбега, на подвесных брёвнах балансировал, словно всю жизнь только этим и занимал-

ся. Спасибо телу Шэна — оно было слабым, но жилистым и выносливым. Годы жизни в трущобах не прошли даром.

Он добрался до конца полосы одним из первых.

Наставник «Пылающей Ладони» возвышался перед ним, словно гора. Фэн замедлился, остановился и посмотрел на него снизу вверх.

— Бей, — коротко сказал наставник. Голос у него был низким, с хрипотцой, словно скрежет камней.

Фэн собрал всю силу, что была в этом теле, и ударил.

Кулак врезался в грудь наставника — и отскочил, словно от каменной стены. Фэн почувствовал, как по руке прошла волна боли. Наставник даже не пошевелился.

Он посмотрел на Фэна. Долго, изучающе. Затем уголок его рта дрогнул.

— Записывайся, — сказал он. — Может, из тебя что-то и выйдет.

К концу дня список зачисленных был составлен. Фэн стоял у столба с объявлениями и читал своё имя среди учеников «Пылающей Ладони». Линь, как и планировал, попал в «Стальной Вдох».

— Поздравляю, — охотник хлопнул его по плечу. — Встретимся ещё. Город маленький, а мир культиваторов — ещё меньше.

— Встретимся, — согласился Фэн.

Он смотрел на своё имя, написанное на серой бумаге, и думал о том, что это только начало. Первый шаг на пути длинной в тысячу ли.

Завтра начнётся настоящая учёба.

Глава 5. Пылающая Ладонь

Секта «Пылающей Ладони» располагалась на северо-восточной окраине Города Тысячи Копий. Это был не величественный павильон с нефритовыми колоннами и парящими садами, как в легендах о великих сектах, а просто обнесённый каменным забором двор с несколькими постройками. Главное здание — длинный барак из серого кирпича — служило общежитием для учеников. Рядом притулился тренировочный зал с земляным полом и покосившейся крышей. Ещё дальше — дом наставника, маленький, но опрятный, с крошечным садиком, где росли чахлые кусты какого-то местного чая. И баня — её наставник, судя по всему, ценил больше тренировочного зала, потому что баня была сложена на совесть, из хорошего дерева, с настоящей печной трубой.

Ворота были открыты. Фэн вошёл на территорию секты с небольшим узелком в руке — всё его имущество. Сменная одежда, которую выдал Шань, нож Вэя, немного сушёного мяса и маленький мешочек с пеплом, который он всегда носил с собой. Пепел был тёплым на ощупь и служил ему чем-то вроде якоря — напоминанием о том, кто он и зачем здесь.

У входа его уже ждали.

Кроме него, в «Пылающую Ладонь» поступили ещё четверо новичков. Двое парней и две девушки. Все — с синим да-ром, как и он сам. Фэн оглядел будущих товарищей по несчастью. Низкий, коренастый крепыш с мощными руками и бычьей шеей стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди. Рядом с ним — высокий, бледный юноша с нервным, дёрганным лицом и бегающими глазами. Девушки держались вместе: одна — миниатюрная, с короткой стрижкой и острым, как у хорька, взглядом, другая — повыше, с длинной косой и спокойным, почти сонным выражением лица.

— Все здесь? — раздался грубый голос.

Наставник вышел из своего дома. При свете дня он казался ещё больше и страшнее, чем на отборе. Огромный, плечистый, с обветренным лицом, покрытым старыми шрамами. Его правая ладонь, давшая название секте, была обмотана грубой тканью, но даже сквозь повязку чувствовался жар — слабый, но ощутимый, словно от печки, которую только что протопили.

— Меня зовут мастер Хо, — произнёс он, обводя новичков тяжёлым взглядом. — Можете звать меня просто «наставник». Или «учитель». На «мастера» я пока не тяну —

для мастера нужна как минимум ступень Золотого Ядра, а я на Конденсации Ци застрял уже двадцать лет. Так что без лести.

Он прошёлся вдоль строя, разглядывая каждого, словно кузнец, оценивающий заготовки.

— Вы — пятеро идиотов, которые выбрали самую слабую секту в этом городе. И вы, наверное, думаете: «Ну, раз секта слабая, значит, и требования тут низкие». Забудьте. В «Пылающей Ладони» требования не низкие. Они другие. Мне плевать на ваши манеры, на ваше происхождение и на то, сколько у вас денег. Мне нужно только одно: чтобы вы выживали. Потому что техника Пылающей Ладони — это не игра. Это путь боли. И если вы не готовы терпеть боль — уходите сейчас. Ворота открыты.

Никто не двинулся с места.

— Хорошо, — Хо хмыкнул. — Тогда начнём с первого урока. Урок номер один: мир культивации — это не сказка. Здесь нет героев. Есть только те, кто выжил, и те, кто умер. Ваша задача — перейти из второй категории в первую. Всё остальное — философия, от которой меня тошнит.

Он повернулся к крепышу.

— Имя.

— Ши Кай, наставник! — парень выпрямился, словно его ударили палкой по спине. — Из семьи кузнецов! Дар — си-
ний!

— Кузнец? — Хо оглядел его мощные руки. — Это хорошо. Мышцы у тебя есть. Посмотрим, что с мозгами.

Следующим был бледный юноша.

— Су Лин, — пробормотал он, глядя в землю. — Из...
ниоткуда.

— Из ниоткуда? — наставник прищурился. — Врёшь. Но это не моё дело. Здесь все начинают с нуля. Запомни это.

Он перевёл взгляд на девушек.

— Лань Мэй, — представилась миниатюрная, с вызовом глядя наставнику в глаза. — Моя семья держала аптеку в Торговом квартале. Я разбираюсь в травах. И я не боюсь боли.

— Молодец, — Хо даже не улыбнулся. — Боль тебя всё

равно найдёт.

— А ты? — он посмотрел на вторую.

— Сяо Юэ, — спокойно ответила девушка с косой. — Я из деревни у Восточного леса. Дар — синий, но ближе к зелёному. Мать говорила, что я родилась с благословением духа реки.

— Дух реки тебе здесь не поможет, — отрезал наставник. — Здесь нужны духи огня. Или хотя бы духи здравого смысла.

Наконец он остановился перед Фэном.

— А ты — тот парень, который на испытании духа простоял почти минуту. И ударил меня так, словно хотел пробить насквозь.

— Фэн, — представился он. — Без клана. Без семьи.

Хо задержал на нём взгляд дольше, чем на остальных. Что-то мелькнуло в его глазах — не интерес, нет, скорее настороженность. Словно он почувствовал что-то, чего не могли увидеть другие.

— Фэн, — повторил он. — Хорошо. Запомню.

Первый день обучения начался с теории.

Вопреки ожиданиям Фэна, наставник не стал гонять их по плацу или заставлять бить деревянные столбы. Вместо этого он усадил всех пятерых в тренировочном зале, сел напротив, скрестив ноги, и начал говорить.

— Культивация, — произнёс он, — это не просто «стать сильным». Это путь. И у каждого пути есть свои правила. Сейчас я расскажу вам то, что вы должны были выучить ещё до того, как прийти сюда. Если кто-то из вас это уже знает — терпите. Повторение — мать учения. А мать учения — это скука. Привыкайте.

Су Лин нервно хихикнул, но осёкся под взглядом наставника.

— Первое, — Хо поднял толстый палец с обломанным ногтем. — Ци. Как я уже сказал, это энергия. Она есть везде. Но обычный человек не может её использовать. Почему? Потому что у него нет ядра. Ядро, или даньтянь, — это резервуар для Ци. Он формируется здесь, — он постучал себя по

животу, чуть ниже пупка, — на этапе Формирования Ядра. Пока у вас его нет. Поэтому ваша задача на ближайшие месяцы — пройти первые три ступени Смертного этапа. Очищение Тела. Открытие Меридианов. И, наконец, Формирование Ядра. Без ядра вы не культиваторы. Вы просто люди с искрой.

— А что такое техника Пылающей Ладони? — спросил Ши Кай. В его голосе звучало нетерпение.

— Дойдём, — отрезал Хо. — Сначала база. Итак, второе: меридианы. Представьте себе реки. Ци течёт по вашему телу, как вода. Меридианы — это русла этих рек. У обычного человека они узкие, забитые грязью. Ваша задача — расширить их и очистить. Это больно. Очень больно. Когда Ци впервые проходит через закрытый меридиан, ощущение такое, словно вам в вены заливают расплавленный свинец. Кто-то после этого сходит с ума. Кто-то ломается. Кто-то умирает.

Он обвёл взглядом притихших учеников.

— Поэтому, прежде чем учить вас открывать меридианы, я научу вас терпеть боль. Этим мы и займёмся сегодня. Вопросы есть?

— Когда мы начнём изучать боевые техники? — снова спросил Ши Кай.

Хо посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты кузнец. Твой отец, наверное, дал тебе молот в руки не в первый день. Сначала ты таскал уголь. Месил глину. Раздувал меха. Месяцами. Прежде чем тебе доверили хоть гвоздь выковать. Здесь то же самое. Сначала база. Потом — огонь.

Ши Кай замолчал, но по его лицу было видно, что ответ ему не понравился.

— Хорошо, — Хо поднялся. — А теперь — на плац. Будем учиться терпеть.

Плацем оказался двор за тренировочным залом.

Наставник выстроил учеников в шеренгу и велел им снять обувь. Земля была холодной и неровной, усыпанной мелкой галькой. Но самым неприятным был не холод и не камни. Самым неприятным был человек, который вышел из дома наставника.

Он был стар. Очень стар. Лет восемьдесят, а может, и все девяносто. Сгорбленный, сморщенный, с редкой седой боро-дёнкой и трясущимися руками. Одет в такой же старый ха-лат, как у Хо, но без следов огня. В руках он держал длинную бамбуковую палку.

— Это старейшина Чжан, — представил его Хо. — Мой наставник. И ваш — тоже. Ему сто три года. Он прошёл всю войну Трёх Сект, потерял ногу, глаз и половину внутренних органов. Но он всё ещё жив. И он будет учить вас терпеть боль.

Старейшина Чжан улыбнулся беззубым ртом и поклонил-ся. Ученики ответили поклоном — кто глубоким, кто сдер-жанным. Фэн заметил, что у старика на левой руке не хвата-ло двух пальцев. А под халатом, когда он двигался, угадыва-лась деревянная нога.

— Первое упражнение, — прошамкал старейшина. — Стойка Огня. Вы стоите на одной ноге, вытянув руки вперёд. Как можно дольше. Тот, кто упадёт, получает удар палкой по спине и начинает заново. Вопросы?

— И это поможет нам стать сильнее? — не выдержал Су Лин.

— Это поможет вам понять, что такое боль, — ответил старейшина Чжан всё с той же беззубой улыбкой. — А без понимания боли нет понимания силы. Кстати, за вопрос — первый удар.

Он взмахнул палкой с такой скоростью, что Фэн едва заметил движение. Палка с хрустом опустилась на плечо Су Лина. Тот вскрикнул, схватился за ушибленное место и отшатнулся.

— А теперь — в стойку. Все. Живо.

Начался ад.

Стоять на одной ноге с вытянутыми руками оказалось намного сложнее, чем думал Фэн. Первые несколько минут прошли нормально. Затем мышцы начали дрожать от напряжения. Затем пришла боль — тупая, ноющая, разливающаяся от бедра до плеча. А затем начали падать.

Первой упала Лань Мэй. Она тихо выругалась сквозь зубы и тут же получила удар палкой по спине. Встала, снова приняла стойку. Через пять минут упала снова.

Следующим был Су Лин. Он продержался дольше всех —

почти десять минут, — но затем его нога подкосилась, и он рухнул на землю. Удар палкой. Подъём. Снова стойка.

Ши Кай стоял, словно скала, но было видно, что даже ему тяжело. Пот градом катился по его лицу, мышцы шеи вздулись от напряжения.

Сяо Юэ, как ни странно, почти не шаталась. Она стояла с закрытыми глазами, дыша ровно и глубоко, словно медитировала. Старейшина Чжан посмотрел на неё с одобрением, но ничего не сказал.

Фэн стоял, стиснув зубы. Боль пульсировала в каждой мышце, но он гнал её прочь. Он думал о другом. Он думал о пепле. О том, как пепел струится внутри него, согревая уставшие мышцы. Он попробовал направить тепло в больную ногу — осторожно, совсем чуть-чуть, чтобы никто не заметил.

Боль отступила.

Не ушла совсем — но стала терпимой. Словно кто-то подкрутил невидимую ручку, уменьшая громкость.

Фэн продолжал стоять.

Прошло двадцать минут. Тридцать. Сорок.

Один за другим ученики падали и поднимались. Палка старейшины мелькала в воздухе, оставляя на спинах красные полосы. К концу часа на ногах остались только двое: Фэн и Сяо Юэ. Девушка по-прежнему стояла с закрытыми глазами, едва заметно покачиваясь. Фэн стоял с открытыми, глядя прямо перед собой.

— Достаточно, — раздался голос наставника Хо.

Фэн опустил ногу. Мышцы тут же отозвались волной боли, но он устоял. Сяо Юэ открыла глаза и посмотрела на него — впервые за всё время. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Неплохо для первого дня, — произнёс Хо, оглядывая обоих. — Но не обольщайтесь. Завтра будет хуже. А послезавтра — ещё хуже. Отдыхайте. Вечером — медитация. Старейшина Чжан покажет вам основы дыхания Ци.

Он развернулся и ушёл в сторону бани, откуда уже поднимался пар.

Вечерняя медитация прошла в тишине.

Старейшина Чжан усадил учеников в круг на деревянном полу тренировочного зала, велел закрыть глаза и дышать. Никаких палок, никаких криков — только тихий, скрипучий голос, который рассказывал о том, как Ци входит в тело с каждым вдохом и выходит с каждым выдохом. Как нужно чувствовать её течение. Как направлять её в ладони и ступни.

Фэн дышал вместе со всеми, но внутри у него всё кипело. Он чувствовал Ци иначе, чем описывал старик. Для него она была не просто энергией — она была теплом, которое перетекало в пепел, а пепел — обратно в тепло. Это был замкнутый круг, и он бился внутри него, словно второе сердце.

Он не знал, правильно ли это. Но спрашивать не стал.

После медитации ученики разбрелись по бараку. Усталость брала своё — даже Ши Кай, казавшийся неутомимым, рухнул на койку и захрапел через минуту. Су Лин свернулся калачиком, накрывшись одеялом с головой. Лань Мэй что-то шептала себе под нос, перебирая в пальцах сушёную траву — кажется, ромашку. Сяо Юэ сидела на своей койке, глядя в стену, и лицо её было совершенно непроницаемым.

Фэн дождался, пока все заснут.

Луна уже поднялась над городом, заливая двор холодным серебристым светом. Где-то вдалеке лаяли собаки. Из бани доносился плеск воды и негромкое ворчание наставника Хо — судя по звукам, он отмокал после тяжёлого дня.

Фэн убедился, что его никто не видит, и прокрался за тренировочный зал. Там, в узком проходе между стеной и забором, было темно и тихо. Идеальное место.

Он сел на землю, скрестив ноги, и вытянул перед собой ладонь.

Пепел появился сразу — на этот раз охотно, словно ждал, когда его позовут. Серое облако окутало кисть, переливаясь золотыми искрами. Фэн сжал его в кулак, затем разжал — на ладони лежал тот самый пепельный шарик. Маленький, идеально ровный.

Он заставил шарик вращаться. Медленно, неуклюже, но тот слушался. Затем — быстрее. Ещё быстрее. Шарик превратился в размытое кольцо, жужжащее в воздухе.

Фэн улыбнулся — впервые за долгое время. Не злой, не горькой улыбкой, а просто удовлетворённой. У него получалось.

Он заставил шарик замереть, затем — превратиться в клинок. Пепел вытянулся, затвердел. Лезвие получилось неровным, зазубренным, но оно было твёрдым. Фэн взмахнул им — клинок рассёк воздух с тихим шелестом.

— Хорошо, — прошептал он сам себе. — Ещё лучше.

Следующий час он тренировался. Превращал пепел в шар, в клинок, в щит. Пытался создать сразу две формы одновременно — не получилось, пепел рассыпался. Пытался растворить камень — камень лишь потемнел, но не разрушился. Пытался прочесть память горстки земли — в голове мелькнули смутные образы: дождь, черви, корни травы. Ничего полезного, но сам факт того, что он это видел, говорил о многом.

Когда луна поднялась в зенит, Фэн прекратил тренировку. Тело гудело от усталости — после дневных истязаний старейшины Чжана любое движение давалось с трудом. Но он был доволен.

Он спрятал пепел внутри, поднялся и, крадучись, вернул-

ся в барак.

Внутри было темно и тихо. Остальные ученики спали. Ши Кай храпел, раскинувшись на своей койке. Су Лин бормотал что-то во сне, дёргая ногой. Лань Мэй спала, свернувшись калачиком, лицом к стене. Сяо Юэ лежала на спине, и её дыхание было таким ровным и тихим, что казалось, будто она не дышит вовсе.

Фэн лёг на свою койку и закрыл глаза.

Первый день в секте закончился. Он выжил. Он научился новому. И никто не узнал его тайну.

Это был хороший день.

Засыпая, он думал о старейшине Чжане. Станный старик. Смотрел на него сегодня как-то особенно внимательно. Но с вопросами не лез. Может, просто показалось.

А может, и нет.

В любом случае, Фэн решил быть осторожнее. Никаких тренировок на виду. Никаких вспышек силы. Днём — обыч-

ный новичок с синим даром. Ночью — совсем другое.

Как учил Шань: не показывай силу. Пусть думают, что ты слаб.

Именно так и будет.

Глава 6. Чужак

Прошло две недели.

Фэн привыкал к распорядку секты с той же мрачной методичностью, с какой когда-то привыкал к жизни на улице. Подъём затемно. Час стоек под присмотром старейшины Чжана — теперь к стойке Огня добавилась стойка Воды, стойка Земли и стойка Ветра, каждая из которых была мучительнее предыдущей. Затем — теория с наставником Хо: меридианы, даньтянь, основы циркуляции Ци. После обеда — физические упражнения: бег с камнями за пазухой, отжимания на кулаках, подъём тяжестей. Вечером — снова медитация. И лишь глубокой ночью, когда все засыпали, Фэн прокрадывался за тренировочный зал и работал с пеплом.

За две недели он добился немногого, но важного.

Пепельный шарик теперь слушался его без задержки — возникал на ладони по первому мысленному приказу. Клинок держался уже двадцать секунд. Щит — десять. Этого было мало для настоящего боя, но достаточно, чтобы поверить: он растёт.

Днём он был просто Фэном — молчаливым новичком с синим даром, который старался не выделяться. И это почти получалось.

Почти.

— Эй, Фэн!

Он обернулся. Во двор секты входили трое. Двое были учениками «Стального Вздоха» — Фэн узнал их по серым повязкам на рукавах. Третий, шагавший впереди, был одет в чёрный халат с серебряной оторочкой. Высокий, широкоплечий, с красивым, но неприятным лицом — слишком правильные черты, слишком уверенная улыбка. На поясе висел дорогой меч в ножнах, украшенных нефритом. Волосы были собраны в высокий хвост, перехваченный серебряной лентой.

— Ты, что ли, тот самый сирота, который на испытании духа простоял минуту? — незнакомец подошёл ближе, разглядывая Фэна с откровенным любопытством. — Я слышал о тебе. Говорят, ты чуть не обогнал дочь старейшины из Западного квартала. Это забавно.

Фэн молчал. Он узнал этот тип людей — ещё по прошлой жизни. Богатый папенькин сынок, уверенный, что мир при-

надлежит ему по праву рождения. С такими лучше не спорить и не лезть на рожон. Они опасны не силой, а связями.

— Меня зовут Хуан Лун, — незнакомец улыбнулся шире.
— Но все зовут меня Жёлтый Тигр. Я из «Теневого Ручья». Слышал о такой секте?

Фэн слышал. «Теневой Ручей» специализировался на скрытности, ядах и убийствах из тени. Их боялись даже Праведные секты, потому что удар из темноты не отразить честным мечом.

— Слышал, — коротко ответил он.

— Отлично, — Хуан Лун хлопнул в ладоши. — Тогда ты понимаешь, что я здесь не просто так. Видишь ли, я люблю знать, кто на что способен. А тут появляешься ты — нищий сирота без клана, без семьи, но с синим даром и упорством, которому позавидовали бы некоторые золотые. Это подозрительно.

Он обошёл Фэна по кругу, разглядывая его, словно товар на рынке.

— Я решил проверить тебя лично.

— Здесь территория «Пылающей Ладони», — спокойно сказал Фэн. — Если хочешь устроить бой, это нужно согласовать с наставником.

— Согласовать? — Хуан Лун рассмеялся. — Ты действительно думаешь, что мне нужно чьё-то разрешение?

Один из учеников «Стального Вздоха» — тот, что стоял слева, — шагнул вперёд.

— Хуан, может, не надо? Он же новичок. Две недели всего учится.

— Именно поэтому, — отрезал Жёлтый Тигр. — Я хочу посмотреть, что он умеет сейчас. Пока он ещё не вырос во что-то... неудобное.

Фэн понял, что боя не избежать. Он быстро оценил обстановку. Двор был пуст — остальные ученики «Пылающей Ладони» ушли на обед. Наставник Хо, скорее всего, в бане. Старейшина Чжан где-то в своём доме, но из-за глухоты вряд ли услышит шум. Помощи ждать неоткуда.

— И что ты хочешь? — спросил он.

— Просто показательный спарринг, — Хуан Лун снял меч

с пояса и отдал его одному из сопровождающих. — Без оружия. Только руки. Победитель определяется по касанию. Кто первым коснётся груди противника — тот и выиграл. Никаких травм. Никаких смертей. Я не враг тебе, Фэн. Я просто... любопытный.

В его глазах горел нездоровый огонёк. Фэн слишком хорошо знал этот взгляд. Так смотрят хищники, когда играют с добычей.

— Хорошо, — сказал он. — Только руки.

Они встали друг напротив друга. Ученики «Стального Вздоха» отошли к забору, образовав импровизированный круг. Хуан Лун улыбался — расслабленно, уверенно, словно уже победил.

— Начали.

Фэн атаковал первым.

Он не стал ждать, пока противник разогреется или начнёт прощупывать его защиту. В мире бизнеса, который он помнил по прошлой жизни, первый удар часто был решающим. Он сделал быстрый выпад правой — прямой, без затей, целясь в грудь.

Хуан Лун уклонился. Легко, играючи, словно от комара отмахнулся.

— Неплохая скорость, — заметил он. — Для новичка. Но ты двигаешься как уличный драчун. Предсказуемо.

Фэн ударил снова — левый хук, затем правый прямой. Противник ушёл от обоих, даже не запыхавшись.

— Ты привык бить первым, — продолжал Хуан Лун, словно читая лекцию. — Это хорошо для улицы. Но в мире культивации тот, кто бьёт первым, часто открывается. Смотри.

Он шагнул вперёд — и исчез.

Фэн даже не заметил движения. Просто в один момент Хуан Лун стоял перед ним, а в следующий — оказался справа, и его пальцы легко коснулись плеча Фэна.

— Раз.

Фэн отшатнулся, разрывая дистанцию. Сердце колотилось. Он не видел удара. Вообще не видел. Словно противник телепортировался.

— Это базовая техника «Теневого Ручья», — пояснил Хуан Лун, снова появляясь перед ним. — «Шаг сквозь тень». Ничего сложного, но против новичков работает отлично. Продолжим?

Фэн стиснул зубы и бросился в атаку снова.

На этот раз он попытался обмануть противника — сделал вид, что бьёт правой, а сам ударил левой, целясь в бок. Но Хуан Лун снова ушёл, и его пальцы коснулись спины Фэна.

— Два.

Дальше было хуже. Фэн атаковал, пробовал разные комбинации, пытался загнать противника к забору, но всё было бесполезно. Хуан Лун двигался с кошачьей грацией, и каждый раз его пальцы касались то плеча, то груди, то шеи Фэна.

— Три. Четыре. Пять.

Фэн тяжело дышал. Пот заливал глаза. Мышцы дрожали от напряжения. Он проигрывал. Проигрывал вчистую, и ничего не мог с этим поделать. Его боевых навыков, наработанных в уличных драках, здесь было недостаточно. А пепел — пепел был всё ещё слишком слаб, чтобы использовать его против подготовленного противника. К тому же он не имел

права раскрывать свою истинную силу при свидетелях.

— И это всё? — Хуан Лун остановился и развёл руками. — А я-то думал, ты особенный. Слухи о твоём упорстве явно преувеличены. Ты просто уличный щенок, который научился терпеть побои. Никакой техники. Никакой стратегии. Одно только упрямство.

Фэн молчал. Внутри него поднималась волна гнева и разочарования. Гнева — на этого самодовольного ублюдка. Разочарования — в самом себе, в своей слабости. Но он не показывал ничего. Только холодное, спокойное признание факта.

— Я понял, — сказал он ровным голосом. — Ты сильнее. Признаю поражение.

Хуан Лун прищурился. Он явно ждал другого — ярости, унижения, мольбы о пощаде. Но ничего этого не было. Только холодное, спокойное признание факта.

— Занятно, — протянул он. — Ты даже не разозлился. А ведь я тебя унизил. При всех. — Он кивнул в сторону учеников «Стального Вздоха».

— Ты сильнее, — повторил Фэн. — Сейчас. Но я здесь всего две недели.

— Думаешь, через год что-то изменится?

— Узнаем через год.

Хуан Лун смотрел на него долгим, изучающим взглядом. Затем улыбнулся — на этот раз без издёвки. Скорее, с интересом.

— Знаешь, что самое забавное? — сказал он, забирая меч у сопровождающего. — Ты не боишься. Я видел страх в глазах десятков противников. А у тебя его нет. Это либо глупость, либо... что-то другое.

Он пристегнул меч к поясу и направился к воротам. У выхода остановился и бросил через плечо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.